

Иван Мордвинкин

ПРИТВОРНАЯ ИСКРЕННЯЯ

УЛЫБКА

Иван Александрович Мордвинкин

Притворная искренняя улыбка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68644673

SelfPub; 2023

Аннотация

Когда уныние не отстает, и молитва Богу только усиливает боль, стоит попробовать жить и чувствовать по-другому. Ведь в жизни всегда есть место теплу, надежде и место для радости без особой причины.

Иван Мордвинкин

Притворная искренняя улыбка

Тимофей Фёдорыч, исправный и порядковый прихожанин, страдал душевной болезнью – очень уж терзала его печаль.

Всякий раз на исповеди батюшка произносил перед ним целые проповеди, Фёдорыч выслушивал внимательно, кивал головой и со всем соглашался. Но через неделю опять жаловался на грусть, печаль, уныние. И даже отчаяние.

Жил Тимофей Фёдорович вполне себе хорошо. Зарплату, к которой мы привязываем наши представления о нормальности, получал нормальную. Хватало денег. Болезни, конечно, приключались – мужику за пятьдесят. Но ничего, с чем бы не справилась местная аптека или на худой конец народные интернет-средства.

В семье у Фёдорыча в свое время тоже всё расцветало естественным чередом, росло, как одуванчик – просто, но душевно. Потом созрело и пухом разнеслось по миру.

И жена Фёдорычу досталась обыкновенная и душевная. У нас в России, особенно по деревням и малым городам, жёны обычно хорошие. Большинство семей, продержавшихся вместе уже лет тридцать, вполне нащупывают расстояние друг от

друга, на котором могут сосуществовать вполне ровненько.

Но Фёдорыч тягостно вздыхал, опуская руки от безысходной тоски.

И каждую исповедь батюшка предлагал задуматься, что именно вызывает печаль. Фёдорыч задумывался, и причины отыскивались, но всякий раз иные: дети далеко живут, участок маленький, машина сломалась, лето слишком жаркое, осень слишком холодная. Да мало ли?

Батюшка молодой. Не так, чтоб юноша, но даже до сорока ещё жить да жить. И чувствовал, что нечего ему предложить пятидесятилетнему мужику, попробовал уже всё, что мог. В ход пошли эксперименты.

– А давайте попробуем, – задумывался батюшка перед прописыванием очередного рецепта, как это делают в сельских поликлиниках – наугад почти. Дальше следовал совет.

Фёдорыч внимательно выслушивал, задавал наводящие заинтересованно, дома скрупулёзно исполнял. А на следующей исповеди снова вздыхал:

– Вы меня простите, батюшка...

– Что, не помогло? – вздыхал и батюшка.

– Не помогло.

Батюшка снова вздыхал, но уже о себе: сам-то он не печалился, любил он жизнь, нравилось ему всё. И Земля, и страна, и семья его, и эта сельская церковка, и приход, и Фёдорыч. А как помочь?

В одну из таких суббот батюшка снова возложил на непокойную главу Фёдорыча свою неопытную епитрахиль.

Выслушав исповедь в этот раз, он зашёл с другой стороны:

– А вы молитесь об этом?

– Молюсь, батюшка. Прошу Господа о помощи. Но, пока ничего, – ответил Фёдорыч горестно.

– Ну что вы? Да улыбнитесь, в конце концов!

Фёдорыч выглянул из-под епитрахили, как черепаха из-под панциря – проверить, не сердится ли батюшка. Батюшка не сердился.

– А вы попробуйте молиться с улыбкой, – предложил батюшка очередной эксперимент.

Фёдорыч вздохнул протяжно:

– Улыбаться на молитве? Но святые отцы говорят рыдать о своих грехах.

– Говорят, – подтвердил батюшка со вздохом. – Но это они черствым людям говорят, а у вас выходит наоборот. Вы чувствительны, и, как Господь вас ни жалеет, а вы будете горевать. Попробуйте. Не могу я вас бросить с этой болезнью одного, поэтому всё равно не отстану. Попробуете?

– Попробую, – ответил Фёдорыч, передернув плечами.

На следующей исповеди горечь все звучала во вздохах.

– Сначала, вроде бы, мне и легче стало, – рассказывал Фёдорыч. – А потом все вернулось.

– Ага! – воскликнул батюшка, нащупав воспаление. – А

вы всю неделю улыбались?

Фёдорыч задумался:

– Честно говоря, когда сосед забор сломал, я расстроился. И после этого уже не улыбался.

– Вот! – батюшка рассмотрел болячку изнутри. – Вы теперь, если расстроитесь, сразу молитесь. И чтоб непременно с улыбкой.

Епитрахиль кивнула вместе с головой Фёдорыча.

С тех пор Тимофей Фёдорович пристроился к беде – что поделать, не стоит, видно, на себя примерять общую рубашу, у каждого свой размер. Теперь он все обиды отгонял молитвой, но с улыбкой. Вначале это давалось особенно трудно: поди тут улыбнись, когда малина засохла, электрики насчитали лишнего, во внешней политике, опять же, проблемы у государства. Да и свои буржуи не лучше.

Но Фёдорыч улыбался через силу. Притворство это или нет? Притворство, конечно. Но, чтобы притвориться, решил Фёдорыч, надо хоть какую-то часть души заставить улыбаться. Иначе и не притворишься. И эта часть души – тоже он, Тимофей Фёдорович. Только довольный жизнью.

– Будем выращивать, – решил Фёдорыч, помышляя о той крошечной части себя, которая готова была улыбаться Богу. – Но, если не получится, больше никаких экспериментов!

К середине лета исправный прихожанин Фёдорыч... исчез. Больше не появлялся ни на богослужении и исповеди,

ни на Литургии.

Батюшка всё вздыхал, когда вспоминал о Фёдорыче, и ругал свою неопытность: книг переворошено – библиотека и газетный киоск. А что толку – опыт, он приходит постепенно, с годами прожитого, а не со страницами прочитанного.

Хотя, без чтения было бы и того хуже.

Однако, в конце августа Фёдорыч явился на исповедь – почти чёрный, так потемнела его кожа.

– Фёдорыч! – воскликнул батюшка. – Вы куда пропали? Здесь без вас не все дома!

Фёдорыч широко улыбался:

– Я к детям ездил, – объяснил он. – А у меня их четверо, и все в разных городах. Загорел вот у младшего в Сочи.

И он тихо, чтобы не нарушить чинности исповедного таинства, рассмеялся.

Батюшка исповедовал его и перед отпуском уточнил на всякий случай:

– А печаль, Фёдорыч?

– А что печаль? Я улыбаюсь Богу, и нет печали. Как пожалуюсь я Ему с улыбкой, так самому смешно становится – какие глупые у меня расстройства. Улыбка, наверное, не зря у нас на лице имеется. Вот и сейчас, улыбаюсь, и сердце переполняется, прям не знаю, как выразить. Вроде бы Господь смотрит на меня и тоже улыбается.

Он замолчал, смахнул слезинку и блаженно вздохнул.

Батюшка отпустил, сам от его умиления радостный, светлый, тихий.

Слёзы, правда, Фёдорыч никуда не денет, видно природа такая. Ну да ладно, это слёзы радости, пусть будут. От них теплота, благодарность и любовь.

С тех пор и сам батюшка чаще улыбается на молитве, и подтверждает, что в трудную минуту молитва с улыбкой – первое средство. Особенно, если очень прижимает душу жалость к себе. Видно, не зря у нас улыбка на лице имеется.